

«Замороженный» конфликт неизбежно растает

Долгосрочные соглашения о прекращении огня не решают конфликты. Вопрос поколений всегда будет продлевать проблему.

В конце холодной войны все три конфликта, вспыхнувшие в регионе Южного Кавказа: в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе – закончились соглашениями о прекращении огня. Эти конфликты были «заморожены» соглашениями о прекращении огня в рамках различных мандатов. Московское соглашение под наблюдением ООН в Абхазии; в Южной Осетии – Сочинское соглашение в рамках совместного соглашения России и Грузии; а в Нагорном Карабахе – Минское соглашение при посредничестве ОБСЕ. Все эти договоренности были нарушены. В случае Абхазии и Южной Осетии их фактически больше не существует после российско-грузинской пятидневной войны в августе 2008 года. В Нагорном Карабахе быстро улетучивается любая надежда, что Минские соглашения станут жизнеспособным инструментом, который приведет к миру.

История учит нас, что соглашения о прекращении огня не решают конфликты и сами по себе являются временными инструментами, которыми можно приостановить конфликт для поиска более долгосрочных решений. Чем дольше действует режим прекращения огня, тем больше вероятность того, что его проигнорируют. Внешние субъекты, которые должны наблюдать за соблюдением режима прекращения огня, переключаются на что-то другое и теряют интерес, к тому же перестают фокусироваться на том, чтобы перевести предварительное соглашение в более стабильную позицию. Тогда конфликт растягивается на несколько поколений, и новые поколения, не обремененные воспоминаниями об ужасах первоначального конфликта и подогреты националистическими стремлениями, возобновляют старую вражду. Конфликт и дальше будет меняться – не только проявления насилия, а и субъекты с разными идеалами, то есть подходами к исходным историческим проблемам – а это, в свою очередь, будет означать, что меняться будут и соглашения.

*Чем дольше действует
режим прекращения
огня, тем больше
вероятность того, что
его проигнорируют*

В грузино-абхазском конфликте легко проследить, как потеря времени и меньшее внимание от внешних субъектов к значениям происходящих изменений привели к возобновлению войны. Московское соглашение о прекращении огня и разъединении сил, подписанное в 1994 году для прекращения боевых действий, начавшихся в 1991 году, не менялось вплоть до 2008 года, когда Грузия и Россия вступили в войну, которая привела к неизбежной победе более сильного государства. К тому времени влияние ООН на конфликт стало практически незаметным, как и действия, предпринимаемые организацией. Изменился и характер руководства России и Грузии, и подход к конфликту: от взаимного общения он перешел к амбициозному национализму с обеих сторон. Такое же отсутствие столь необходимой адаптации соглашения к меняющимся обстоятельствам можно увидеть и в Сочинском соглашении, которое привело к прекращению огня в конфликте в Южной Осетии, и в соглашении при посредничестве ОБСЕ, которое привело к неясному прекращению боевых действий в Нагорном Карабахе в 1994 году.

Во всех случаях амбиции, демография и характер воюющих сторон изменились по сравнению с первоначальными конфликтами, как и внешние субъекты, ищущие решения. При этом условия соглашений остаются прежними, неадаптированными к новым реалиям, характерам и изменениям среди участников конфликта. Следовательно, нет такого понятия, как «замороженный» конфликт. «Лед» конфликта всегда будет неизбежно таять, как айсберг, что приведет к возвращению к активной фазе. Такова теперь печальная история конфликта в Нагорном Карабахе.

Растущие амбиции Анкары на Ближнем Востоке и Южном Кавказе – как раз тот случай, в котором ответственным за надзор за соглашением, в данном случае Минской группе, следует решительно отреагировать на изменения среди лидеров, а также на события в конфликтном регионе; понять, что это означает, и при необходимости внести изменения в подход к урегулированию конфликта, которые привели бы к перспективе компромисса.

Возможности для компромисса в Нагорном Карабахе ограничены, так как более мощный игрок, то есть Турция, воспользовался тем, что международное сообщество сейчас ослаблено пандемией и другими факторами. В некотором смысле руководство Минской группы пока что оказалось в стороне, и решение пока не предвидится.

*Несмотря на
меняющуюся природу
конфликта, государства,
вовлеченные в
урегулирование
конфликтов, часто
придерживаются
старых практик*

Недавнее соглашение о прекращении огня, которое было согласовано Баку и Ереваном при посредничестве Сергея Лаврова для создания гуманитарных коридоров в зоне конфликта, уже было существенно нарушено. Но создание гуманитарных коридоров в условиях конфликта является требованием международного права. В последнее время эту норму часто нарушали или игнорировали; и те стороны, которые ее нарушали, не подвергались наказанию, что означает, что со временем у «закона» становится все меньше силы. В современных конфликтах наблюдается тенденция, когда если не приверженность, то хотя бы историческое понимание международного гуманитарного права, международного права вооруженных конфликтов, теории «справедливой войны» св. Фомы Аквинского, Женевской конвенции и других норм, которые в совокупности служили механизмами контроля за воюющими сторонами, часто игнорируют, хотя и не забывают. Одной из причин является растущее присутствие негосударственных субъектов на поле боя и трудности общения с ними в контексте правил и соглашений, которые они никогда не подписывали. Еще одна причина – склонность более сильных государств не подавать пример соблюдения правовых норм, что подрывает перспективы урегулирования конфликтов.

Проблемы конфликтов, в которых действуют долгосрочные неизменные соглашения о прекращении огня, всегда сложно решать – особенно проблему поколений. В конфликте на Донбассе те, кто в 2014 году были еще юношами, сейчас – мужчины, имеющие право на оружие, а учитывая их незавидные экономические перспективы, это

увеличивает риск насилия, а не уменьшает его.

Однако в риторике украинской власти появляется определенная откровенность, которая дает хоть бы небольшое основание надеяться на то, что в урегулировании конфликта будут достигнуты значимые результаты. Простая идея, высказанная недавно представителем власти, что «Украина не может просто обвинять Россию в конфликте», – утверждение простое, но сильное, которое может принести пользу, если его развивать дальше. Это зависит от того, будет ли реакция Москвы на изменение риторики положительной. Риторика и действия всех сторон конфликта с его начала в 2014 году были конфронтационными и негативными, так что это изменение риторики может привести к прогрессу, но если вторая сторона не ответит тем же, прогресс будет недолгим. Чтобы этот небольшой «сдвиг» со стороны Киева что-то значил, Москва должна на него отреагировать.

*В «замороженных»
конфликтах, которые
все чаще «тают»,
реальность сурова –
вопрос поколений всегда
будет продлевать
проблему*

В целом, несмотря на меняющуюся природу конфликта, государства, вовлеченные в урегулирование конфликтов, часто придерживаются старых практик. Что важно, при этом часто сосредотачиваются на подходе «сверху вниз», при котором коммуникация происходит между правительствами, а иногда на первый план выходит повестка внешних субъектов. С негосударственными участниками конфликта переговоры вести часто отказываются, боясь таким образом легитимировать сепаратистское государство или организацию. Интересно, что государства ключевой целью называют демократизацию, даже когда речь идет о государствах, в которых нет развитой или развивающейся демократической культуры. Возможно, их настоящая цель – восстановить экономический потенциал для будущих поколений.

Для некоторых подход «сверху вниз» кажется естественным, но в так называемых замороженных конфликтах, которые все чаще «тают», реальность сурова – вопрос поколений всегда будет продлевать проблему. Это произошло в Грузии, Северной Ирландии и многих других местах. Мотивация молодых мужчин сражаться, «если вы не сражались раньше», очень сильна, а когда ее

поддерживают внешние силы, конфликт всегда будет возрождаться за счет тех, кто готов идти в бой. Чтобы разрешить конфликт мирным путем и предотвратить попадание молодежи в «ловушку поколений», приоритетом должен быть подход «снизу вверх».

Будущие поколения, включая новые политические элиты, их экономические перспективы, образование, статус и достоинство являются ключевыми аспектами урегулирования конфликта в XXI веке, когда старые нормы поведения во время конфликта уже не актуальны. Сильна и мотивация НЕ сражаться, если при этом можно потерять возможности для процветающего будущего.

Кристофер Лэнгтон

Лондон

Кристофер Лэнгтон (Christopher Langton) – британский военный эксперт, в настоящее время руководитель экспертной группы «Независимое исследование и анализ конфликтов» (Independent Conflict Research & Analysis/ICRA). Он прослужил 32 года в британской армии, был заместителем главы Миссии ООН по наблюдению в Грузии, военным атташе в России, странах Южного Кавказа и Центральной Азии.

